

ВЛАДИМИР БОНДАРЕНКО

“НО СОЛОМОНОВ СЫН...”

В 1841 году Михаил Лермонтов написал шуточную эпиграмму на Николая Мартынова:

*Он прав! Наш друг Мартыш не Соломон,
Но Соломонов сын,
Не мудр, как царь Шалима, но умен,
Умней, чем жидовин.
Тот храм воздвиг, и стал известен всем
Гаремом и судом,
А этот храм, и суд, и свой гарем
Несет в себе самом.*

Николай Соломонович Мартынов и на самом деле поражал многих своей самовлюбленностью, не интересовался ничем, что не входило в его мир. Нёс всё в себе самом. С юности он собирался поразить всех своими достижениями, мечтал о высокой карьере, генеральских погонах, был уверен в своих литературных дарованиях, собирался покорять сердца красавиц. Познакомились Лермонтов и Мартынов, скорее всего, еще в детстве. Рядом с Тарханамы находилась у Нижнеомовского монастыря усадьба Мартыновых. В книге “Ложный Петр III, или Жизнь, характер и злодеяния бунтовщика Емельки Пугачева”, изданной в вольной типографии Федора Любия в 1809 году, пишется: “Потомки Киреевых, Мансыровых и Мартыновых связаны с Арсеньевыми дальними родственными узами”... Позже они встречались в своих подмосковных имениях, расположенных недалеко друг от друга (Середниково и Знаменское), но сблизилась в юнкерской школе, потому что Николай Соломонович, достаточно образованный юноша, обладающий литературным вкусом, почувствовал высокое дарование своего сверстника, но пока еще был уверен и в своем тоже. Они долгое время были друзьями-соперниками. Они собирались дружить на равных. Они оба были честолюбивы, и оба увлекались женщинами. Как писал один из яростных защитников Мартынова Д. Д. Оболенский в своей статье “Н. С. Мартынов” в 1890-х годах для словаря Брокгауза и Ефрона: убийца Лермонтова “получил прекрасное образование, был человеком весьма начитанным и с ранней молодости писал стихи”. Они оба участвовали в юнкерском литературном журнале, легко шутили друг над другом, бражничали. Но постепенно выяснялось: то, что давалось Мишелю естественно, что с каждым годом становилось у него ярче и талантливее, Мартышу давалось с большим напрягом. Было бы хорошо, если бы он был лишен литературного вкуса, чувства слова и считал бы, как какой-нибудь их сослуживец

Арнольди, что его стихи ничем не хуже лермонтовских. Не возникло бы и ненависти к другу. То, что он разбирался в литературе, лишь усугубило их противостояние, Мартынов все более ясно понимал свою бездарность, свою подражательность. Не только в стихах, но и в поведении, в стремлении к воинской славе. К тому же Лермонтов явно иронизировал над романтической “позой” Мартынова и его стихами.

Они становились скрытыми антагонистами. У Лермонтова начинается печататься роман, принесший ему мировую славу — “Герой нашего времени”. Первой выходит повесть “Бэла”. Мартынов одновременно начинает повесть со сходным сюжетом “Гуаша”, главный герой которой — князь Долгорукий со своим благородством и добродушием — явно осознанно противопоставляется лермонтовскому эгоцентричному Печорину...

Михаил Лермонтов с безумной храбростью лез на Кавказе в боевые схватки, стал командиром отряда разведчиков — вроде нынешнего спецназа. Николай Мартынов после первого же боя испугался за свою жизнь и от сражений уклонялся, откровенно трусил. При этом крайне разным у них было отношение к противнику, к тем же горцам. Бесстрашный воин Михаил Лермонтов, очевидно, немало положивший в боях противников, восхищался их храбростью и стремлением к воле, с сочувствием относился к мирной жизни горцев, вынужденных защищаться от русских. “Горят аулы, нет у них защиты”. Михаил Лермонтов пишет свой гениальный “Валерик”, где после описания кровавого боя есть такие человеколюбивые строки:

*А там вдали грядой нестройной,
Но вечно гордой и спокойной,
Тянулись горы — и Казбек
Сверкал главой остроконечной.
И с грустью тайной и сердечной
Я думал: жалкий человек.
Чего он хочет!.. небо ясно,
Под небом места много всем,
Но беспрестанно и напрасно
Один враждует он — зачем?..*

Его антагонист Николай Мартынов, уклонявшийся от сражений, напротив, восторгается карательными экспедициями:

*Горит аул невдалеке...
Там наша конница гуляет,
В чужих владеньях суд творит,
Детей погреться приглашает,
Хозяйкам кашицу варит.
На всем пути, где мы проходим,
Пылают сакли беглецов.
Застанем скот — его уводим,
Пожива есть для казаков.
Поля засеянные топчем,
Уничтожаем все у них...
Мы их травили по долинам
И застигали на горах...*

Мартыновская поэма “Герзель-аул” написана явно в противовес лермонтовскому “Валерику”. Есть в поэме и прямой шарж на Лермонтова:

*Вот офицер прилег на бурке
С ученой книгою в руках,
А сам мечтает о мазурке,
О Пятигорске, о балах.
Ему все грезится блондинка,
В нее он по уши влюблен.
Вот он героем поединка,
Гвардеец, тотчас удален.
Мечты сменяются мечтами,*

*Воображенью дан простор,
И путь, усеянный цветами,
Он проскакал во весь опор...*

Если у Лермонтова в “Валерике” мы читаем: “простора нет воображенью”, его завистник, напротив, дает своему убогому воображенью простор. Пишет, и часто не заканчивает своих произведений, потому что чувствует их убогость. Отсюда и ненависть к своему другу-сопернику. В той же “Горской песне” Мартынов сладостно мечтает:

*Я убью узденя!
Не дожить ему дня!
Дева, плачь ты заране о нем!..
Как безумцу любовь,
Мне нужна его кровь,
С ним на свете нам тесно вдвоем!..*

Это опять же ответ на лермонтовское “на свете места много всем” и одновременно переделанные слова Грушницкого, в роли которого чувствовал себя Николай Соломонович: “Нам на свете вдвоем места нет”. Думаю, прочтение Мартыновым “Героя нашего времени” не доставило ему много радости. И дело не в том, что он якобы оскорбился за свою сестру, выведенную под именем княжны Мери. Сестра-то как раз радовалась, когда её связывали с героиней лермонтовского романа. Мартынов увидел себя в образе Грушницкого и... убитым на дуэли. Мартынов решил всё переиначить в жизни. Не дать поэту дожить до всемирной славы.

У Лермонтова есть два экспромта 1841 г., высмеивающих Мартынова – “Наш друг Мартыш не Соломон” и “Скинь бешмет, мой друг Мартыш”, а у Мартынова – злая эпиграмма “Mon cher Michel”. Если бы не это противостояние гения и пошляка, храбреца и труса, боевого офицера и отставного кривляки, вряд ли из-за какой-то шутки могла бы произойти дуэль. Михаил Лермонтов шутил:

*Скинь бешмет свой, друг Мартыш,
Распояшься, сбрось кинжалы,
Вздень броню, возьми бердыш
И блюди нас, как хожалый!*

Мол, сними ты всю свою горскую одежду, в которой ты выглядишь каким-то клоуном, ты – русский офицер, не горец, и это не твое. Одень свою русскую броню, возьми русское оружие. И тогда уж сторожи нас, как городовою.

Известный лермонтовед Эмма Герштейн пишет: “По мастерству, с которым в этом экспромте дано скрещиванье разных смыслов, можно с уверенностью сказать, что сочинил его действительно Лермонтов. Рядом с прямым приглашением сменить кавказский народный костюм на старинную русскую военную одежду (идея “Кавказца”) здесь уживается намек на неважные боевые качества Мартынова – ему оставалось бы только нести полицейскую службу (хожалый), – и насмешка над его мнительным отношением к шуткам товарищей (“блюди нас”)...”

Впрочем, и Мартынов старался, как мог, тоже прищемить Лермонтова. В 1963 году была найдена эпиграмма уже Николая Мартынова, обыгрывающая любовные похождения Лермонтова. Скорее всего эпиграмма написана в 1841 году, в ней упоминаются сразу три знакомые Лермонтову женщины: Э. А. Клингенберг (по отчиму – Верзилина), Н. А. Реброва и Адель Оммер де Гелль:

*Mon cher Michel!
Оставь Adel...
А нет сил,
Пей элексир...
И вернется снова
К тебе Реброва.*

*Рецепт возврати не иной
Лишь Эмиль Верзилиной.*

Текст эпиграммы известен по рукописи, в начале которой находится “Рецепт. Как составлять жизненный элексир”, написанный значительно раньше и другой рукой. Рядом с текстом эпиграммы сохранилась надпись, сделанная, очевидно, самим Лермонтовым: “Подлец Мартышка”.

Может быть, какие-то взаимные обидные эпиграммы до нас и не дошли.

Михаил Лермонтов был безразличен к условиям жизни, мог спать в любых условиях, питался вместе с солдатами, надевал то, что под руку попадало. Хотя ценил хорошее оружие, хороших лошадей, имел вкус к жизни и при случае мог пофорсить.

Николай Мартынов одевался вычурно и крикливо, вызывая своими пестрыми нарядами усмешку у окружающих и, естественно, становясь предметом для шуток Лермонтова. Как вспоминает А. И. Арнольди: “Шалуны товарищи показали мне тогда целую тетрадь карикатур на Мартынова, которые сообща начертали и раскрасили. Это была целая история в лицах вроде французских карикатур...” Конечно, обидно, когда видишь себя на карикатуре, изображенным в мундире с газырями и с огромным кинжалом, сидящим на ночном горшке. Конечно, остроты и карикатуры Лермонтова злили Мартынова, он имел право отвечать тем же, но... и на остроумный ответ таланта не хватало. Последняя подружка Лермонтова Е. Г. Быховец писала: “Этот Мартынов был глуп ужасно, все над ним смеялись; он ужасно самолюбив; карикатуры его беспрестанно прибавлялись; Лермонтов имел дурную привычку остричь... Это было в одном частном доме. Выходя оттуда, Мартынка глупый вызвал Лермонтова. Но никто не знал. На другой день Лермонтов был у нас ничего, весел; он мне всегда говорил, что ему жизнь ужасно надоела, судьба его так гнала, осударь его не любил, великий князь ненавидел, <они> не могли его видеть — и тут ещё любовь: он был страстно влюблен в В. А. Бахметьеву; она ему была кузина”.

Если нельзя было встать вровень с Лермонтовым, тогда надо было его уничтожить. Поэтому Мартынов охотно пошел на поводу у людей, провоцирующих их дуэль.

С. Н. Филиппов в статье “Лермонтов на Кавказских водах” (журнал “Русская мысль”, декабрь 1890 г.) описывает Мартынова, подтверждая острую наблюдательность насмешливого поэта: “Тогда у нас на водах он был первым франтом. Каждый день носил переменные черкески из самого дорогого сукна и все разных цветов: белая, черная, серая и к ним шелковые архастики такие же или еще синие. Папаха самого лучшего каракуля, черная или белая. И всегда все это было разное, — сегодня не надевал того, что носил вчера. К такому костюму он привешивал на серебряном поясе длинный чеченский кинжал без всяких украшений, опускавшийся ниже колен, а рукава черкески засучивал выше локтя. Это настолько казалось оригинальным, что обращало на себя общее внимание: точно он готовился каждую минуту схватиться с кем-нибудь... Мартынов пользовался большим вниманием женского пола. Про Лермонтова я этого не скажу. Его скорее боялись, т. е. его острого языка, насмешек, каламбуров...”

Казалось бы, с юности они хорошо знали привычки и особенности друг друга. Знаменское, имение Мартыновых, находилось рядом с Середниково, имением Столыпиных, где Лермонтов провел три лета подряд (1828–1830). Семнадцатилетний Лермонтов посвятил старшей сестре Мартынова стихотворение, в котором отдает должное ее уму. И в дальнейшем судьба странным образом вновь и вновь сводила их, вплоть до роковой дуэли. Почти одновременно поступили они в военную школу. Там не раз соперничали в силе и ловкости, вряд ли сильному, рослому Мартынову нравилось, что невысокий, неуклюжий с виду “Майюшка” (так прозвали Лермонтова по имени горбуна — героя французских карикатур) нередко оказывался и ловчее, и сильнее. Состязались они не только в ловкости (во всей школе, кроме них, только один юнкер владел саблей, остальные предпочитали шпагу), но и в стихах. Все поначалу равны друг другу. И всё-таки более всего Мартынова раздражал крепнувший у него на виду литературный гений Лермонтова. Это не была зависть великого труженика Сальери к воздушному легкому гению Моцарта. Это была ненависть светского обывателя, ненависть высокомерного, но пустого дворя-

нина, к тому же неудачника, уволенного в отставку, к высокому таланту. Несомненно, Николай Мартынов осознанно хотел убить Лермонтова, и осознанно в него стрелял. Тем более, Мартынов знал, что опытный воин и прекрасный стрелок Михаил Лермонтов стрелять в него не собирается. Значит, требуется всего лишь метко прицелиться в поэта. Увы, это ему удалось...

Так во все времена обыватели ненавидят талантливых людей: Достоевского и Чехова, Гумилева и Есенина, Рубцова и Бродского... Без них обывателю живется легче. Мартынов мечтал если не о литературной, то о военной карьере, мечтал ходить в генералах, увы, его без ордена и без славы отправили в отставку простым майором. Михаил Лермонтов мечтал об отставке, хотел основать новый литературный журнал, уже для русских талантов, без заемного французского рукоделия. Мартынов ненавидел свою отставку. И потому он все глубже тайно ненавидел Михаила Лермонтова. Его, конечно, задевали и шутки поэта в свой адрес, и карикатуры, но вряд ли эти легкие и незлобные насмешки стали поводом для дуэли. Да и были ли насмешки? Всё покрыто мраком. В отличие от не менее трагической, но предельно ясной и зафиксированной дуэли Пушкина, в лермонтовской дуэли есть только одни загадки, гипотезы и предположения. Скорее, права Эмма Герштейн, утверждающая: "Сбивчивость рассказов защитников Мартынова о дуэли, искусственная концепция о Наталье Мартыновой и пропавших письмах, игнорирование важнейших биографических моментов жизни Н. С. Мартынова указывают на то, что истинная подоплека истории дуэли скрывалась... Все эти данные подчеркивают участие в этой дуэли других сил, для которых Мартынов оказался удобным орудием исполнения".

Была ли ссора в доме Верзилиных? Никто свидетелем не был, все по слухам. Что послужило поводом для дуэли? Кто был секундантом? И сколько их было: то ли один Михаил Глебов, то ли они вдвоем с князем Васильчиковым, то ли были еще и князь Сергей Трубецкой с близким другом Лермонтова Алексеем Столыпным (Монго)? Был ли еще кто-нибудь свидетелем дуэли, тот же Дорохов? Или вообще, дуэль состоялась без секундантов? Как в случае с князем Голицыным? "По случаю дуэли Лермонтова, — писал Вяземский, — князь Алек. Ник. Голицын рассказывал мне, что при Екатерине была дуэль между Голицыным и Шепелевым. Голицын был убит, и не совсем правильно, по крайней мере, так в городе говорили и обвиняли Шепелева. Говорили также, что Потемкин не любил Голицына и принимал какое-то участие в этом поединке".

Почему князь П. А. Вяземский связывает дуэль Лермонтова с дуэлью Голицына? Или и впрямь вынужденная отставка, соединенная с негативным восприятием лермонтовского романа, да еще с обидными эпиграммами, и послужила причиной вспыхнувшей мартыновской ненависти? И впрямь, мудрости не хватило? "Не мудр, как царь Шалима, но умен. Умней, чем жидовин..." Увы, но и жидовинского ума у Николая Соломоновича Мартынова хватило лишь на то, чтобы с близкого расстояния, прекрасно зная о том, что Лермонтов в него стрелять не будет, прицелиться и убить своего бывшего приятеля.

В истории этой дуэли уже навсегда загадок будет больше, чем разгадок. Неизвестно точно ни место дуэли, ни место первого захоронения. Что говорилось на дуэли, кто и когда стрелял — всё покрыто мраком. Я постараюсь, опираясь на достоверные факты, рассказать историю отношений Лермонтова и Мартынова.

Скажу честно, мне ближе версии, высказанные вскоре после гибели поэта или же при жизни его современников в XIX столетии. Ближе версия того же знаменитого дуэлянта и друга Михаила Лермонтова Руфина Дорохова. Дорохов подвел итог одной фразой: "Дуэли не было — было убийство". Уж ему ли не знать в тонкостях весь дуэльный кодекс. Когда сегодня лермонтоведы Захаров или Очман, оправдывая во всем Мартынова, доказывают соблюдение всех правил дуэли и невозможность для Мартынова стрелять куда-то в сторону или в воздух, я поражаюсь: это что за новые блюстители дуэльного кодекса. Может, вызвать кого-нибудь из них на дуэль?

Я перечитал все возможные документы, воспоминания, книги и царского периода, и советского периода, и нынешние. Меня поразила явная антилермонтовская позиция современных ученых. Нынешний поворот к воспеванию убийцы поэта я объясняю общей тягой к дискредитации всего русского. Не собираюсь идеализировать сложный характер нашего национального гения. Впрочем, у кого из великих писателей был мягкий характер? Может,

и правильно делали обыватели во все времена, когда безжалостно убивали писателей, от Пушкина до Мандельштама? Ладно бы упирали на случайность дуэльной гибели. Мог погибнуть Мартынов, погиб Лермонтов... Но винят во всем именно Михаила Лермонтова. Признавая все шалости и насмешки Михаила Лермонтова, я не вижу в них достойного повода для дуэли согласно всем дворянским правилам чести.

Самое оскорбительное в наше время, накануне 200-летия гибели русского гения – воспевание убийцы. Откройте всероссийский сайт “Великие русские имена”, вы найдете среди великих русских имен – ... Николая Соломоновича Мартынова.

И чем же он прославился? На всех академических официальных сайтах сегодня написано: “офицер, имевший несчастье убить на дуэли Лермонтова”. Вот уж на самом деле “счастливый несчастливец”, как прозвал его Михаил Лермонтов. Несчастный русский офицер. Почему-то всего лишь несколько лет прошедший под покаянием в Киеве и отпущенный уже в 1846 году на волю вольную для проживания богатой барской жизнью. А ведь за дуэль в николаевское время и каторгу давали, дворянства лишали. За что ему такая милость? Нынче считают, что дуэли в ту пору были постоянным явлением. Увы. Нет. В николаевское время в том же Пятигорске дуэли были крайне редки. И наказания за них были суровые. Николай Первый ненавидел дуэли, считал их проявлением дикости. Но Мартынова легко простил...

Николай Соломонович Мартынов (равно как и его отец, Соломон Михайлович, дослужившийся до чина полковника) был человеком православным и дворянином. Род Мартыновых происходил от выходца из Польши, прибывшего в Московию в 1460 году. В “Общем гербовнике дворянских родов Всероссийской империи” можно прочесть, что “фамилии Мартыновых многие Российскому Престолу служили стольниками, воеводами и в иных чинах и жалованы были от Государей в 1631 и других годах поместьями”. Среди пращуров Николая – Савлук Федорович Мартынов, участник военных действий против поляков под Смоленском в 1634 году, получивший вотчину в Рязанском уезде; Петр Иванович, воевода в Кадоме в 1704 году; Федор Михайлович, прокурор Пензенского верхнего суда, вышедший в 1777 году в отставку в чине секунд-майора. Родной брат Соломона Мартынова, Дмитрий Михайлович, состоял Кирсановским (Тамбовской губернии) предводителем дворянства.

Отец его, Соломон Михайлович, как и положено Соломону, разбогател на винных откупах, то есть занимался не самым уважаемым для русского дворянина занятием: спаивал русский народец. Выйдя в отставку, Соломон Мартынов вложил все деньги в винные откупа. В конце XVIII века многие оборотистые дворяне разбогатели на винных откупах. Например, владелец пензенского винного завода А. Е. Столыпин, родственник Лермонтова. Князь И. М. Долгоруков вспоминал о Соломоне Мартынове, что “вся Нижегородская губерния у него на откупу...”. В начале XIX века купил дом на Волжском откосе, неподалеку от Нижегородского кремля. Дом Соломона Михайловича был одним из самых богатых в Нижнем. Находился он между нынешней улицей Семашко и Верхне-Волжской набережной. Имел он и доходные дома.

Считается, что именно в этом господском доме на волжском откосе и родился будущий убийца великого русского поэта Николай Мартынов. Нынче о нем щедро пишут во всех книгах по истории Нижнего Новгорода. Думаю, и о родине Чикатило тоже найдутся любители написать. Черный пиар – тоже пиар. Как пишут нынешние местные историки: “Возможно, стыдиться этого и не стоит... Так или иначе, но Николай Мартынов при ближайшем рассмотрении оказывается вовсе не завзятым негодяем, каковым его у нас подавали еще со школы на протяжении многих десятилетий... В 25 лет Мартынов уже был майором, в то время как его однокашник Лермонтов, бывший почти на год старше, дослужился лишь до поручика (старшего лейтенанта)...” Поразительно, что эта статья о доблестном Мартынове вышла во владимирской газете к печальному юбилею: 170-летию со дня гибели Михаила Юрьевича Лермонтова. В 1825 году вся семья Мартыновых, выгодно продав нижегородский дом городским властям, переехала в подмосковное имение Иевлево-Знаменское. В Нижнем Новгороде до сих пор помнят, что городская больница, построенная на месте господского дома Мартыновых, стояла на улице Мартынова. При этом многие уверяют, что дом был подарен городу этим богатейшим виноторговцем. Мол, “Мартынов-старший запомнился в Нижнем как щедрый

меценат. Покидая город, он передал свой дом под городскую больницу, которую долго называли “мартыновской”...” Увы для защитников-мартынолюбов – в архивах города хранится купчая, доказывающая, что Соломон Мартынов явно не продешевил с продажей дома...

Может, и правы еврейские источники, предполагающие, что Мартыновы ведут род от голландских торговых евреев, перебравшихся со временем в Польшу. Но это не так и важно. Как правило, примесь еврейской крови озабочены или чересчур крутые патриоты, или же выискивающие повсюду своих героев озабоченные еврейские историки. Вот и я в русских сводках о еврейских корнях Мартынова, даром что Соломонович, ничего не нашел, зато в израильских материалах обнаружил этот след от голландских евреев. Хотя точных сведений о происхождении нет. Зато есть много точных документов о тесной связи Мартыновых с масонами. Отец убийцы – Соломон Михайлович Мартынов родился в октябре 1774 года в селе Липяги Пензенской губернии, в семье богатого помещика, владеющего доброй тысячью душ крестьян и немалыми землями. Был дружен с масонами С. И. Гамалеем, А. Ф. Лабзиным и самим Н. И. Новиковым. С последним даже был в родстве. Сестра Соломона Мартынова Дарья Михайловна была замужем за родственником одного из главных масонов России Н. И. Новикова. Сын её – штабс-капитан М. Н. Новиков известен и как декабрист, и как самый ревностный масон. Да и сам Соломон Мартынов считался большим любителем книжной масонской премудрости, всяческой мистики и оккультных наук. Хаживали к нему и местные литераторы, связанные с масонами. О происхождении имени Соломон в роду Мартыновых тоже существует своя версия. Из XVIII века вроде бы дошли “Воспоминания о Пугачеве”, подписанные инициалами О. З. (они вроде бы хранятся в одном из архивов США), где рассказывается о том, как получил Соломон Мартынов свое не совсем обычное для современных русских имя. Сообщается, что от расправы пугачевцев маленького барчонка Мартынова спасла кормилица, выдав за своего сына. Тогда-то мамка решила окрестить ребенка и пошла в церковь. “А как назвать его?” – спрашивает священник. “А Бог весть! – отвечает кормилица, – уж и не знаю”. – “По святому назовем, – решил священник. – На сей день святой будет Соломон-царь – так и назовем!”...

Всё-таки непонятно, пугачевцы ушли, могла бы кормилица и прямую родню малыша дожидаться. Им и решать, как назвать младенца. Как-то всё перепутано, тут и Пугачев, тут и своенравная кормилица, тут и Соломон... Нагромодили с преувеличением. Могли ведь родители без всякого Пугачева просто назвать по святкам Соломоном, и всё. Мало ли было среди дворян и Марков, и Руфин, и Исааков. В святцы заглянули, так и назвали. В конце концов, и Иван – древнееврейское имя. Ощущение такое, что кто-то из Мартыновых уже двести лет усердно оправдывается. И за Соломона, и за Соломонова сына Николая Соломоновича, обыкновенного российского обывателя, возмечтавшего о генеральской карьере и литературной славе. Как вспоминает В. А. Бельгарт: “... был очень красивый молодой гвардейский офицер, высокого роста, блондин с выгнутым немного носом. Он был всегда очень любезен, весел, порядочно пел романсы и все мечтал о чинах, орденах и думал не иначе как дослужиться на Кавказе до генеральского чина”.

Я не собираюсь приписывать организацию некоего царского заговора с целью убийства Михаила Лермонтова, хотя никак нельзя отрицать, что его гибель вполне устроила и императора Николая Первого, и Бенкендорфа. К тому времени, к 1841 году, уже крайне отрицательно относившихся к поэту, но внимательно за ним следящих. Не случайно же так быстро Николай Мартынов был прощен, а о самой дуэли запрещалось что-либо писать лет тридцать. Сборники стихов выходили, и никакой биографии поэта.

Недоброжелателей у Лермонтова хватало и при жизни, и в самом Пятигорске было кому раззадорить на дуэль Николая Соломоновича.

О самом Мартынове рассказывают много историй. Но все лет через тридцать – сорок после дуэли. Чему верить, чему не верить, решает каждый по-разному, согласно эпохе, личному отношению к Лермонтову и таланту исследователя. Впрочем, и о самой дуэли мы имеем или официальную версию государственного обвинения, в которой почти всё – неправда, все дружно оправдывали Мартынова, или рассказы Мартынова и еще одного ненадежного свидетеля – князя Васильчикова, и то, как правило, в передаче их родственников и знакомых.

Вот, к примеру, кинорежиссер Андрей Кончаловский как-то разговорился с графом А. А. Игнатьевым, автором известной книги воспоминаний “Пятьдесят лет в строю”. Тот ему и рассказал о своей встрече в Париже с Мартыновым. “. . . Мне было уже пятнадцать лет, и я был страшно поражен, что слышу о Лермонтове, как о ком-то лично знакомом говорящему. . . Я встречал Мартынова в Париже. Мы, тогда молодые люди, окружили его, стали дразнить, обвинять: “Вы убили солнце русской поэзии! Вам не совестно?! – Господа, сказал он, – если бы вы знали, что это был за человек! Он был невыносим. Если бы я промахнулся тогда, то я бы убил его потом. . . Когда он появлялся в обществе, единственной его целью было испортить всем настроение. Все танцевали, веселились, а он садился где-то в уголке и начинал над кем-нибудь смеяться, посылать из своего угла записки с гнусными эпиграммами. Поднимался скандал, кто-то начинал рыдать, у всех портилось настроение. Вот тогда Лермонтов чувствовал себя в порядке. . .”

Молодой граф Игнатьев чувствовал, что Мартынов говорит вполне искренно. Он до конца дней своих ненавидел Лермонтова. Из уст его родственников (А. Н. Норцова и др.), из уст его друзей и покровителей и шла молва о несносном характере Михаила Лермонтова. Интересно, пошли бы с таким злобным человеком в разведку те, от кого зависела их жизнь? А ведь шли, еще уговаривали взять в свой добровольческий отряд. Что же, по-инициативе общался с ними Лермонтов? Если и был он впрямь злой и коварный, спесивый и избалованный, то как к нему в разведку, где рискуют ежесекундно жизнью, добровольцы напрашивались? Или они не обращали внимание на его добрые шутки? Сами умели шутить.

Я вполне верю рассказу графа Игнатьева. Именно так и сваливал всю вину за дуэль на Михаила Лермонтова этот “несчастливый счастливец” Николай Мартынов. Как-то он написал в одном из своих подражаний Лермонтову:

*Глухая исповедь, причастье,
Потом отходную прочли:
И вот оно, земное счастье...
Осталось много ль? Горсть земли.
Я отвернулся, было больно
На эту драму мне смотреть;
И я спросил себя невольно —
Ужель и мне так умереть...*

Нет, никак не хотел умирать Николай Соломонович, ни на дуэли, ни позже. Сначала за дуэль Николай Мартынов был приговорен к разжалованию и заключению в крепость. Затем заключение отменили, заменили вроде бы суровым пятнадцатилетним церковным наказанием. Но не где-нибудь в Сибири, а в стольном граде Киеве. После его просьбы о помиловании уже в 1846 году, спустя четыре года Святейший Синод пожалел “несчастливого убийцу” и отменил епитимью. Ничего не стоял настойчиво публикуемые слухи о его покаянии и чуть ли не монашеском образе жизни. О его ежегодных панихидах по Лермонтову. Все эти сведения от родственников убийцы.

Во-первых, сразу после снятия церковного наказания Николай Соломонович благополучно женился на Софье Проскур-Суцанской. Вскоре вернулся в свое родовое имение в Нижегородской губернии. Родил одиннадцать детей. Переехал в Москву. Всерьез увлекся мистикой и спиритизмом, масонскими обрядами. Не знаю, как его защитники совмещают якобы “почти монашескую” покаянную жизнь православного прихожанина с занятием спиритизмом и оккультными науками? Он и в Тарханы заехал лишь однажды, по случаю, жаль, его не rasterзали там местные мужики, весьма уважительно относившиеся к Михаилу Лермонтову. Не случайно в Английском клубе в Москве, завсегдатаем которого Мартынов был, его прозвали “Статуя Командора”. На самом деле, он гордился до конца дней своих, что стал убийцей русского национального гения. Может быть, он и на дуэли в Пятигорске, с его утонченным литературным вкусом, убивая Лермонтова, прекрасно понимал, что тем самым входит в историю. Больше-то шансов прославиться не было никаких. Непыщенный самовлюбленный позер. Хоть геростратова, но слава.

Этого вольного или невольного служителя сатаны хорошо описывает бывший московский голова князь В. М. Голицын: “Жил он в Москве уже вдовцом,

в своем доме в Леонтьевском переулке, окруженный многочисленным семейством, из коего двое его сыновей были моими университетскими товарищами. Я часто бывал в этом доме и не могу не сказать, что Мартынов-отец как нельзя лучше оправдывал данную ему молодежью кличку “Статуя Командора”. Каким-то холодом веяло от всей его фигуры, беловолосой, с неподвижным лицом, суровым взглядом. Стоило ему появиться в компании молодежи, часто собиравшейся у его сыновей, как болтовня, веселье, шум и гам разом прекращались, и воспроизводилась известная сцена из “Дон Жуана”. Он был мистик, по-видимому, занимался вызыванием духов, стены его кабинета были увешаны картинами самого таинственного содержания, но такое настроение не мешало ему каждый вечер вести в клубе крупную игру в карты, причем его партнеры ощущали тот холод, который, по-видимому, присущ был самой его натуре”.

Как вспоминают, пробовал вызывать этот оккультист и дух убитого им Лермонтова, но ничего хорошего из этого не получалось. Не отзывался наш гений.

Оправдываясь от быстро растущих поклонников лермонтовского гения, Николай Мартынов в конце сороковых годов стал рассказывать, будто бы главной истинной причиной дуэли был пакет с вскрытыми письмами и дневником сестер Мартыновых. Доктор Пирожков в 1885 году описал свой разговор с Мартыновым в конце сороковых годов. Убийца Лермонтова уверял доктора, что эпизод с пропавшим пакетом будто бы и был единственной причиной дуэли: “Вот собственно причина, которая поставила нас на барьер – и она дает мне право считать себя вовсе не так виновным, как представляют меня вообще”, – заверил доктора Мартынов.

Не буду подробно описывать всю эту историю, которую убедительно и доказательно точно опровергла Эмма Герштейн в своем исследовании о Лермонтове. Расскажу читателям коротко, в чем было дело. В 1837 году, за четыре года до дуэли, Михаилу Лермонтову в Пятигорске сестры Мартыновы передали для брата, к которому направлялся Михаил Лермонтов, пакет, где были письмо и дневник, туда же были положены от отца, Соломона, 300 рублей. Лермонтов добирался до месторасположения своей части через Тамань. В Тамани его и обокрали. Эта история блестяще передана поэтом в повести “Тамань”. Встретившись с Мартыновым, Михаил Лермонтов рассказал ему о пропаже и отдал ему триста рублей из своих. Позже Мартынов написал об этой пропаже родителям. И те вроде бы удивились, откуда Лермонтов узнал, что в пакете были деньги. Заподозрили, что Лермонтов, желая узнать, что Наталья Мартынова думает о нем, вскрыл пакет.

Во-первых, если бы даже Лермонтов в своем любопытстве и пошел на такое нарушение правил, тогда же, в 1837 году и должна была возникнуть дуэль. Позже, в 1838–40 годах Лермонтов часто общался с Мартыновым в Петербурге, могли бы и там выяснить отношения. Сестра Мартынова Екатерина Соломоновна Ржевская в 1852 году так рассказывала об этой истории Я. К. Гроту: “Лермонтов же любил сестру Мартынова, который отговаривал ее от брака с ним. Однажды, когда Мартынов был в экспедиции, а Лермонтов собирался ехать в ту же сторону, m-lle Мартынова поручила ему доставить своему брату письмо и в нем свой дневник; в то же время, отец их дал для сына своего письмо, в которое вложил 2 000 рублей серебром, не сказав Лермонтову ни слова о деньгах. Лермонтов, любопытствуя узнать содержание писем, в которых могла быть речь о нем, позволил себе распечатать пакеты и не доставил их: в письме девицы прочел он ее отзыв, что она готова бы любить его, если б не предостережение брата, которому она верит. Открыв в письме отца деньги, он не мог не передать их, но самое письмо тоже оставил у себя. Впоследствии старался он уверить семейство, что у него пропал чемодан с этими письмами, но доставление денег избличило его. Однако в то время дело осталось без последствий”

Как всегда, поздние воспоминания кого бы то ни было – путанные и неверные. И сумма денег не та, и намерение Лермонтова жениться на Наталье Мартыновой – сомнительное. Но пропажа пакета была. А также всего имущества самого Лермонтова.

Во-вторых, не стал бы поэт ради оправдания себя придумывать целую сцену в романе “Герой нашего времени”. Не стоит того Мартынов. К тому же обворованный Лермонтов, приехав в Ставрополь, не смог из-за кражи сразу же явиться к начальству, пока не справил себе новый мундир взамен украден-

ного, за что и получил нагоняй, так как в штабе нашли, что он должен был явиться сразу в чем приехал.

Вся надуманная Мартыновым проблема заключалась в том, откуда Лермонтов узнал про вложенные в пакет деньги. О деньгах могла рассказать и сама сестра Мартынова, мог упомянуть и Николай. Пакет мог невзначай разорваться в походной дороге. Ничего в этом страшного и позорного нет. Мать Мартынова писала 6 ноября 1837 года сыну: “Как мы все огорчены тем, что наши письма, писанные через Лермонтова, до тебя не дошли. Он освободил тебя от труда их прочитать, потому что в самом деле тебе пришлось бы читать много: твои сестры целый день писали их; я, кажется, сказала: “при сей верной оказии”. После этого случая даю зарок не писать никогда иначе, как по почте; по крайней мере остается уверенность, что тебя не прочтут. . .”

Но даже если бы вся семья узнала о чрезмерном любопытстве Лермонтова, могли бы порвать с ним отношения. Но уже в 1840 году, спустя три года после пропажи пакета, та же Е. М. Мартынова вновь пишет сыну: “Лермонтов у нас чуть ли не каждый день. По правде сказать, я его не особенно люблю; у него слишком злой язык и, хотя он выказывает полную дружбу к твоим сестрам, я уверена, что при первом случае он не пощадит и их; эти дамы находят большое удовольствие в его обществе. Слава богу, он скоро уезжает; для меня его посещения неприятны. . .” Пусть и недовольна мать посещениями Лермонтова, но совсем про другой причине — за его злой язык. Сестры же находят большое удовольствие в его обществе. Да и сам Мартынов постоянно встречается с поэтом. Эпизод с пакетом или забыт, или разъяснен, и доказано, что вины поэта не было никакой. К тому же еще в 1839 году умирает сам Соломон, посылавший деньги в пакете. И вдруг еще через год, в 1841 году происходит злосчастная дуэль, а еще через много лет Николай Мартынов эту давно забытую историю с пакетом будто бы приводит в качестве единственной причины дуэли. Подхватили эту историю и все защитники Мартынова, им и дела нет до четырехлетней разницы во времени между пропажей пакета и дуэлью. Они всерьез считают, что гениальная “Тамань” написана ради оправдания Лермонтова в глазах Мартынова. Пусть бы тогда почаще пакеты попадали у наших писателей и в результате гениальные повести рождались бы на свет. На бедного поэта родственники Мартынова и его защитники сваливают уже все несчастья рода. Та же старшая сестра Мартынова Е. С. Ржевская в разговоре с Я. К. Гротом в 1852 г. утверждала, что Мартынов вынужден был выйти в отставку из-за дуэли с Лермонтовым. Это уже полная нелепица.

Для меня остается тайной, почему никто из свидетелей дуэли, из близких ему людей не написали ни слова о самой дуэли. Допускаю, что при жизни Николая Первого печатать что-либо о Лермонтове было запрещено. Тем более о его дуэли. Но почему нет ничего ни в дневниках, ни в письмах, ни в устных пересказах? Ни у вроде бы ближайшего друга поэта Алексея Столыпина (Монго), ни у Сергея Трубецкого, ни у Михаила Глебова. Слава поэта росла с космической скоростью. Стихи уже вскоре после гибели Лермонтова учили во всех гимназиях. И никто из друзей о поэте ни слова. Сам Мартынов дважды начинал оправдываться, но оба раза резко обрывал свои воспоминания. Воспоминания князя Васильчикова и Эмили Шан-Гирей чересчур запутаны и скорее являются самооправданиями замешанных в гибели поэта людей. Что они скрывали и о чем не хотели говорить?

После вызова Мартыновым поэта на дуэль друзья надеялись, что Мартынов не найдет себе секунданта, и дуэль сама собой отменится. Мартынов обратился с просьбой к князю Васильчикову, и тот охотно согласился.

Я согласен с версией, пожалуй, самого дотошного лермонтоведа двадцатого века Эммы Герштейн, что скорее всего именно князь Васильчиков и спровоцировал дуэль. Князь ненавидел Лермонтова уже за одни эпиграммы в его адрес:

*Велик князь Ксандр и тонок, гибок он,
Как колос молодой,
Луной серебристой ярко освещен,
Но без зерна — пустой.*

Его отец, канцлер Российской империи Илларион Васильчиков, доверенное лицо Николая Первого, охотно поддерживал нелюбовь сына к поэту. Корф

записал в своем дневнике: “Князь Васильчиков виделся с государем и остался очень доволен результатом аудиенции в отношении к своему сыну. . . Между тем, быв сегодня у князя, я нашел перед ним раскрытым на столе роман Лермонтова “Герой нашего времени”. Князь вообще читает очень мало, и особенно по-русски; вероятно, эта книга заинтересовала его теперь только в психологическом отношении: ему хочется ближе познакомиться с образом мыслей того человека, за которого приходится страдать его сыну”.

И потому официальная версия о том, что секундантом Лермонтова был князь Васильчиков — явно лживая. Не мог секундантом поэта быть и Михаил Глебов, живший в одной квартире в Пятигорске с Мартыновым. Кто же? Если справедлива версия, что Алексей Столыпин был секундантом и он же медленно командовал: раз, два, три. . . а выстрелов всё не было, то по правилам дуэльного кодекса дуэль должна была быть закончена. Вместо этого Столыпин кричит, вмешиваясь в дуэль: “Стреляйте, или я вас разведу. . .” Тем самым он и провоцирует выстрел Мартынова. Становится соучастником убийства. Пусть и самым невольным. Но был ли Столыпин на дуэли? Никто сказать не может.

При жизни своей его бывший ближайший друг не проронил ни слова. В качестве самооправдания этот якобы друг и родственник поэта, благороднейший человек своего времени, Столыпин прозванный поэтом “Монго”, перевел на французский язык роман Лермонтова “Герой нашего времени”, но не написал никакого предисловия, никаких воспоминаний. Столыпин, живший в то время в Париже, увлекался идеями Фурье и свой перевод поместил в фурьеристской газете “La Democratic pacifique”. Почему уже вольный парижанин так ни слова и не сказал об истории дуэли? В редакционной заметке, опубликованной перед началом печатания в газете лермонтовского романа, говорилось о реакции на него русского читателя. Заметка заканчивалась загадочной фразой: “Г-н Лермонтов недавно погиб на дуэли, причины которой остались неясными”. И ни слова о своем участии или неучастии в дуэли. “Благородный анонимный памятник от бывшего друга”.

О чем же они все молчали даже в самых интимных записях и личных письмах? Все версии об участии в дуэли Алексея Столыпина и Сергея Трубецкого идут уже только от князя Васильчикова, и то после смерти их обоих.

Сохранилось несколько четверостиший, написанных Михаилом Лермонтовым в это время:

*Им жизнь нужна моя, —
Ну что же, пусть возьмут,
Мне не жалеть о ней!
В наследие они приобретут —
Клуб ядовитых змей.*

И еще одно, посвященное его мнимым друзьям, тем трагическим летом 41 года:

*Мои друзья вчерашние — враги,
Враги — мои друзья,
Но, да простит мне грех Господь благий,
Их презираю я...*

Профессор А. А. Герасименко пишет в книге “Из Божьего света. . .”: “Сценарий “дуэли” интриганы разрабатывали поэтапно: вначале будто бы стрелялись без секундантов, нет — при одном (М. П. Глебове), нет — при двух (тот же Глебов и он, Васильчиков), и, наконец, — при четырёх (включили ещё А. А. Столыпина и С. В. Трубецкого). О последнем варианте А. И. Васильчиков стал говорить после их смерти. . .”

Расследовавший по горячим следам дело о дуэли П. К. Мартынов был убежден в причастности князя Васильчикова к гибели поэта: “Недобрая роль выпала в этой интриге на долю князя. Затаив в душе нерасположение к поэту за беспощадное разоблачение его княжеских слабостей, он, как истинный рыцарь иезуитизма, сохраняя к нему по наружности прежние дружеские отношения, взялся руководить интригою в сердце кружка и, надо отдать справедливость, мастерски исполнил порученное ему дело. Он сумел подстрекнуть Мартынова обуздать человека, соперничавшего с ним за обладание красави-

цей, раздуть вспышку и, несмотря на старания прочих товарищей к примирению, довести соперников до дуэли, уничтожить “высочку и задиру” и после его смерти прикинуться и числиться одним из его лучших друзей. “От него самого я и слышал, — говорил В. И. Чилиев: “Мишеля, что бы там ни говорили, а поставить в рамки следует!” Итак, Мартынов, похоже, стал орудием мщения для мстительного Васильчикова, а заодно “козлом отпущения” во время следствия по делу о дуэли”. Хочу заметить, что версия о давлении на Мартынова каких-то внешних сил, считавших поэта “ядовитой гадиной”, появилась не в советское время и не в каких-то революционных кругах. Так считал и реакционер М. Катков, такого же мнения был и редактор “Нового времени” А. С. Суворин. В дневниках Суворина за 1899 год читаем о любопытнейших замечаниях о Мартынове П. А. Ефремова: “Васильчиков о Лермонтове: “Если б его не убил Мартынов, то убил бы кто другой; ему всё равно не сносить бы головы”. Васильчиков в Английском клубе встретил Мартынова. В клуб надо было рекомендацию. Он спрашивает одного — умер, другого — нет. Кто-то ударяет по плечу. Обернулся — Мартынов. “Я тебя запишу”. Взял его под руку, говорит: “Заступись, пожалуйста. А то в Петербурге какой-то Мартынов прямо убийцей меня называет”. — Ну, как не порадеть! Так и с Пушкиным поступали. Все кавалергарды были за Дантеса. Панчулидзеву Ефремов говорил: — “Надо вам рассырпить историю полка декабристами. А то ведь у вашего полка два убийцы — Дантес и Мартынов”. Не будем устраивать конспирологическую версию о дружбе Дантеса с Мартыновым, о тайном клубе кавалергардов, убивающих русских поэтов. Но любителей песенок о кавалергардах все-таки прошу не забывать, именно они и убили двух гениальных русских поэтов...

Такого же мнения о подстроенности дуэли еще один известный литератор девятнадцатого века Дружинин. Он одним из первых стал собирать сведения о судьбе поэта, в ту пору, когда были живы многие его современники. Встреча с Руфином Дороховым, отчаянным забиякой, дуэлянтом, не в пример Лермонтову, но одним из немногих истинных друзей поэта, вызвала у Дружинина, скрупулезно придерживавшегося всех правил дворянской чести, особенный порыв отчаяния из-за гибели поэта: “Зачем люди, его окружавшие, — думал я с ребяческим ожесточением, — не ценили и не лелеяли поэта, не сознавали его величия, не становились грудью между ним и горем, между ним и опасностью! Умереть за великого поэта не лучше ли, чем жить целое столетие?..” Дорохов, в отличие от мнимых друзей поэта, никогда не оправдывал Мартынова. Он первым и заявил: “Это была не дуэль, а убийство”. Ему ли, отчаянному дуэлянту, не знать всех правил дуэли. Дорохов назвал Мартынова “презренным орудием” убийства поэта.

Нынешние исследователи не любят ссылаться на письма современников дуэли. Мол, они сами ничего не видели. А кто видел? Почему свидетельства дальних родственников того же Васильчикова спустя чуть ли не полвека после дуэли достовернее, чем письма если не очевидцев, то людей, живших в том же Пятигорске во время этих трагических событий? Известно письмо дальней родственницы поэта, Е. Быховец, от 5 августа 1841 г., напечатанное много лет спустя, где она во всем обвиняет Мартынова. Уже в советское время исследователь из Ленинграда А. Михайлова нашла в Отделе рукописей Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина письмо некоего Полеводина, лечившегося в те дни в Пятигорске, и написанное спустя всего шесть дней после дуэли. Этот живой отклик ценнее всех поздних воспоминаний защитников Мартынова. Кстати, письмо доказывает огромную популярность Лермонтова и его стихов среди современников. (Что нынче не принято признавать в нашем лермонтоведении.) Опровергает письмо и утверждение самого Мартынова, что он был “слепым орудием провидения”.

“Июля 21-го 1841 г. Пятигорск.

Плачьте, милостивый государь Александр Кононович, плачьте, надевайте глубокий траур, нашивайте плёрезы, опепелите Вашу главу, берите из Вашей библиотеки “Героя нашего времени” и скачите к Лёренцу, велите переплести его в черный бархат, читайте и плачьте. Нашего поэта нет — Лермонтов 15-го числа текущего месяца в 7 часов пополудни убит на дуэли отставным майором Мартыновым. Неисповедимы судьбы твои, господи! И этот возрождающийся гений должен погибнуть от руки подлеца: Мартынов — чистейший сколок с Дантеса. Этот Мартынов служил прежде в кавалергардах, по прось-

бе переведен в Кавказский корпус капитаном, в феврале месяце отставлен с чином майора, — и жил в Пятигорске, обрил голову, оделся совершенно почеркесски и тем пленял, или думал пленять, здешнюю публику. Мартынов никак не был терпим в кругу, который составлялся из молодежи гвардейцев. Лермонтов, не терпя глупых выходок Мартынова, всегда весьма умно и резко трунил над Мартыновым, желая, вероятно, тем заметить, что он ведет себя неприлично званию дворянина.

Мартынов никогда не умел порядочно отшутиться — сердился, Лермонтов более и более над ним смеялся; но смех его был, хотя едок, но всегда деликатен, так что Мартынов никак не мог к нему придрататься. В одно время Лермонтов с Мартыновым и прочею молодежью были у В<ерзилиных> (семейство казацкого генерала). Лермонтов, в присутствии девиц, трунил над Мартыновым целый вечер, до того, что Мартынов сделался предметом общего смеха, — предложом к тому был его, Мартынова, костюм. Мартынов, выйдя от В<ерзилиных> вместе с Лер<монтовым>, просил его на будущее время удержаться от подобных шуток, а иначе он заставит его это сделать. На это Лер<монтов> отвечал, что он может это сделать завтра и что секундант его об остальном с ним условится. На другой день, когда секунданты (прапорщик конногвардейский Глебов и студент князь Васильчиков) узнали о причине ссоры, то употребили все средства помирить их. Лер<монтов> был согласен оставить, но Мартынов никак не соглашался. Приехав на место, назначенное для дуэли (в двух верстах от города на подошве горы Машука, близ кладбища), Лермонтов сказал, что он удовлетворяет желанию Мартынова, но стрелять в него ни в каком случае не будет. Секунданты отмерили для барьера пять шагов, потом от барьера по пяти шагов в сторону, развели их по крайний след, вручили им пистолеты и дали сигнал сходитьсь. Лер<монтов> весьма спокойно подошел первый к барьеру, скрестив вниз руки, опустил пистолет и взглядом вызвал Мартынова на выстрел. Мартынов, в душе подлец и трус, зная, что Л<ермонтов> всегда держит свое слово, и радуясь, что тот не стреляет, прицелился в Л<ермонтова>.

В это время Л<ермонтов> бросил на М<артынова> такой взгляд презрения, что даже секунданты не могли его выдержать и потупили очи долу (все это сказание секундантов). У Мар<тынова> опустил пистолет. Потом он, собравшись с духом и будучи подстрекаем презрительным взглядом Л<ермонтова>, прицелился, — выстрел... Поэта не стало! После выстрела он не сказал ни одного слова, вздохнул только три раза и простился с жизнью. Он ранен под грудь навывлет. На другой день толпа народа не отходила от его квартиры. Дамы все приходили с цветами и усыпали его оными, некоторые делали прекраснейшие венки и клали близ тела покойника. Зрелище это было восхитительно и трогательно. 17-го числа в час поединка его хоронили. Всё, что было в Пятигорске, участвовало в его похоронах. Дамы все были в трауре, гроб его до самого кладбища несли штаб- и обер-офицеры и все без исключения шли пешком до кладбища. Сожаления и ропот публики не умолкали ни на минуту. Тут я невольно вспомнил о похоронах Пушкина. Теперь 6-й день после этого печального события, но ропот не умолкает, явно требуют предать виновного всей строгости закона, как подлого убийцу. Пушкин Лев Сергеевич, родной брат нашего бессмертного поэта, весьма убит смертью Л<ермонтова>, он был лучший его приятель. Л<ермонтов> обедал в этот день с ним и прочею молодежью в Шотландке (в 6-ти верстах от Пятигорска) и не сказал ни слова о дуэли, которая должна была состояться чрез час. Пушкин уверяет, что эта дуэль никогда бы состояться не могла, если б секунданты были не мальчики, она сделана против всех правил и чести <...> Л<ермонтов> похоронен на кладбище, в нескольких сажнях от места поединка. Странная игра природы. За полчаса до дуэли из тихой и прекрасной погоды вдруг сделалась величайшая буря; весь город и окрестности были покрыты пылью, так что ничего нельзя было видеть. Буря утихла и чрез пять минут пошел проливной дождь. Секунданты говорят, что как скоро утихла буря, то тут же началась дуэль, — и лишь только Л<ермонтов> испустил последний вздох, — пошел проливной дождь. Сама природа плакала об этом человеке.

Много бы еще подробностей я мог Вам сообщить о жизни его здесь на Кавказе, но лист оканчивается <...> Больно вспомнить, что Кавказ в самое короткое время лишил нас трех прекраснейших писателей — Марлинского, Веревкина и Лермонтова...”

Разве не о том же писал вскоре после дуэли 9 сентября 1841 года и князь П. А. Вяземский А. И. Тургеневу из Царского села за границу: "... Жаль бедного Лермонтова. Я кажется не писал тебе о нем, но вероятно ты уже знаешь, что он был на дуэли убит Мартыновым на Кавказе. Я говорю, что в нашу поэзию лучше целят, чем в Л<уи> Филиппа. Тут промаха не дают: цесаревич говорил Мятлеву: "Берегись, поэтам худо, кавалергарды убивают их (Мартынов кавалергард, как и Дантес), смотри, чтобы и тебя не убили". – "Нет, отвечал он, еще не моя очередь" (копия. – ИРЛИ, ф. 309, ед. хр. 4715, л. 136).

Еще до получения этого письма А. И. Тургенев сообщал В. А. Жуковскому 6 сентября 1841 г. из Шампрозе: "Какие ужасные вести из России! Сердце изныло: Лермонтов убит на дуэли – каким-то Мартыновым, pour une affaire de gaimain ничего более не знаю <...> Вот что Вяземский <пишет> Булгакову о дуэли Лермонтова: "Он уже много исполнил и еще более обещал. В нашу поэзию стрелять удачнее нежели в Лудов<ика> Филиппа, второй раз не дают промаха. На Пушкина целила по крайней мере французская рука, а русской руке грешно было целить в Лермонтова" (ИРЛИ, ф. 309, ед. хр. 4714).

Н. А. Мельгунов писал из Флоренции Н. М. Языкову 1 декабря н. с. 1841 г.: "Спасибо Вам за последние стихи Лермонтова. Скажите, его "Завещание" – фантазия или в самом деле написано перед смертью? Для умирающего слишком сухо и холодно, да к тому ж он говорит: "умер честно за царя", между тем как мне писали, что он убит на дуэли с Мартыновым, вызвавшим его за княжну Мери (читали ль?), в которой Лермонтов будто представил сестру того, как Вам об этом писал. Больно грустно. Ничто даровитое не держится у нас на Руси, между тем как Булгарины цветут здравием" (ИРЛИ, ф. 1, яз. 28).

Московский почт-директор, скажем честно, по своим тайным служебным обязанностям располагающий всей полнотой информации, читавший и все письма из Пятигорска, пришедшие в Москву после дуэли, так пишет, исходя из своих сведений: "... Назначен день, час дуэли, выбраны секунданты. Когда явились на место, где надобно было драться, Лермонтов, взяв пистолет в руки, повторил торжественно Мартынову, что ему не приходило никогда в голову его обидеть, даже огорчить, что все это была одна только шутка, а что ежели Мартынова это обижает, он готов просить у него прощения не только тут, но везде, где он захочет!.. "Стреляй! Стреляй!" – был ответ испуганного Мартынова. Надлежало начинать Лермонтову, он выстрелил на воздух, желая кончить глупую эту ссору дружелюбно. Не так великодушно думал Мартынов. Он был довольно бесчеловечен и злобен, чтобы подойти к самому противнику своему и выстрелить ему прямо в сердце. Удар был так силен и верен, что смерть была столь же скоропостижной, как выстрел. Несчастный Лермонтов тотчас испустил дух! Удивительно, что секунданты допустили Мартынова совершить его зверский поступок. Он поступил противу всех правил чести и благородства, и справедливости. Ежели он хотел, чтобы дуэль совершилась, ему следовало сказать Лермонтову: "Извольте зарядить опять ваш пистолет. Я вам советую хорошенько в меня целиться, ибо я буду стараться вас убить". Так поступил бы благородный, храбрый офицер. Мартынов поступил как убийца...". Московский почт-директор А. Я. Булгаков, ссылаясь на письмо В. С. Голицына, полученное в Москве 26 июля. Следовательно, Голицын описывал убийство поэта по самым свежим следам, и вряд ли на основании каких-то обывательских домыслов. Это уже позже, во время следствия и суда, все защитники Мартынова привели в соответствие показания очевидцев. Заставив замолчать несогласных. Позже Булгаков написал еще два письма, повторив свой рассказ: П. А. Вяземскому в Петербург и А. И. Тургеневу во Францию. Н. С. Мартынова он называл "ожесточенным и кровожадным мальчиком", его отца "не по мудрости, а токмо по имени Соломоном". В дневнике Булгаков назвал Мартынова "сыном покойного Соломона Михайловича Мартынова, известного только потому, что он разбогател от винных откупов".

Почти о том же пишет и известный славянофил Ю. Ф. Самарин в письме И. Г. Гагарину от 3 августа 1841 года: "Я вам пишу, дорогой друг, под горьким впечатлением известия, которое я только что получил. Лермонтов убит на дуэли на Кавказе Мартыновым. Подробности тяжелы. Он выстрелил в воздух, а его противник убил его почти в упор..."

Из Ставрополя Любомирский в те же последующие дни описывает в письме эту дуэль: "... за верность подробностей я не ручаюсь, но и теперь

еще у нас рассказывают так, как описал я, может быть, впоследствии откроется что-либо достоверное... Мартынов вызвал его на дуэль. Положено стреляться в шести шагах. Лермонтов отговаривал его от дуэли и, прибыв на место, когда должно было ему стрелять первому, снова говорил, что он не предполагал, чтобы эта шутка так оскорбила Мартынова, да и не имел намерения, и потому не хочет стрелять в него. Отвел руку и выстрелил мимо. Но Мартынов выстрелил метко, и Лермонтова не стало”.

В “Русском архиве” Васильчиков писал: “Лермонтов остался неподвижен и, взведя курок, поднял пистолет дулом вверх, заслоняясь рукой и локтем по всем правилам опытного дуэлиста”. Позже, в разговоре с Висковатовым Васильчиков прибавил важную деталь:

“Он, все не трогаясь с места, вытянул руку кверху, по-прежнему кверху же направляя дуло пистолета... Когда я его спросил, — пишет Висковатов, — отчего же он не печатал о вытянутой руке, свидетельствующее, что Лермонтов показывал явное нежелание стрелять, князь утверждал, что он не хотел подчеркивать этого обстоятельства, но поведение Мартынова снимает с него необходимость щадить его”. Но щадить память о великом поэте, по мнению Васильчикова, смысла не имеет.

Почему все современники, по-разному относившиеся к поэту при жизни, пишут почти одно и то же, крайне негативно оценивая Мартынова, а нынешние исследователи пишут совсем другое? Кто более прав? Всё-таки современники могли узнавать истину от свидетелей дуэли, а откуда все сведения у современных ученых? От Мартынова, князя Васильчикова и их окружения. Или из официальной версии следствия, где всё было подтасовано. Больше-то никто и ничего сказать не мог.

Ординатор Пятигорского военного госпиталя И. Е. Барклай де Толли — дальний родственник знаменитого генерал-фельдмаршала — произвел осмотр тела и составил соответствующее заключение.

“При осмотре оказалось, — писал он, — что пистолетная пуля, попав в правый бок ниже последнего ребра, при срастании ребер с хрящем, пробила правое и левое легкое, поднимаясь вверх, вышла между пятым и шестым ребром левой стороны и при выходе порезала мягкие части левого плеча; от которой раны поручик Лермонтов мгновенно на месте поединка умер”. Документ заверен печатью, помечен 17 июля и подписан доктором и двумя следователями.

В соответствии со “Сводом военных постановлений” Мартынова, Глебова и Васильчикова приговорили к “лишению чинов и прав состояния”. Однако военное начальство сочло нужным смягчить наказание: Мартынова — лишить “чина, ордена и написать в солдаты до выслуги без лишения дворянского достоинства”, а Васильчикова и Глебова “перевести из гвардии в армию тем же чином”. Царь решил, что и такое наказание слишком сурово: “Майора Мартынова посадить в Киевскую крепость на гауптвахту на три месяца и предать церковному покаянию. Титулярного же советника князя Васильчикова и корнета Глебова простить, первого во внимание к заслугам отца, а второго по уважению полученной тяжелой раны”.

Я думаю, достоверна версия о двух высказываниях императора, прозвучавших после смерти поэта. В узком кругу семьи и близких императору людей он высказался резко по-французски. Нечто вроде “Туда ему и дорога”, или “Собаке — собачья смерть”. Великая княжна Мария Павловна осудила брата за такие слова, и уже выйдя в гостиную, где собралось большое количество дождавшихся его людей, император сказал глубокомысленно: “Погиб тот, кто бы смог стать наследником Пушкина”. Нынешние исследователи выбирают близкую себе версию.

Версию эту подтверждает уже в 1911 году редактор “Русского архива” П. И. Бартнев, лично слышавший эту историю от княгини М. В. Воронцовой, бывшей тогда еще замужем за родственником Лермонтова А. Г. Столыпина: “Государь по окончании литургии, войдя во внутренние покои кушать чай со своими, громко сказал: “Получено известие, что Лермонтов убит на поединке”. — “Собаке — собачья смерть!” Сидевшая за чаем великая княгиня Мария Павловна (Веймарская, “жемчужина семьи”)... вспыхнула и отнеслась к этим словам с горьким укором. Государь внял сестре своей (на десять лет его старше) и, вошедши назад в комнату перед церковью, где еще оставались бывшие у богослужения лица, сказал: “Господа, получено известие, что тот, кто

мог заменить нам Пушкина, убит”... Замечу, что сам Бартенев при этом считался большим защитником Николая Мартынова.

Как говорят, в тот же день императрица писала С. А. Бобринской: “Вздох о Лермонтове, об его разбитой лире, которая обещала русской литературе стать ее выдающейся звездой...”

Знаток дуэли еще тогда поражало отсутствие весомого повода для схватки. Ведь даже по мнению самого Мартынова поэт лишь позволял себе “остроты, колкости, насмешки на мой счет, одним словом все, чем только можно досадить человеку, не касаясь до его чести”. А если честь не задета, то нет и повода для дуэли?! Недаром же в письме от 22 августа 1841 года А. Елагин сообщает: “Все говорят, что это убийство, а не дуэль...” И далее: “Лермонтов выстрелил в воздух, а Мартынов подошел и убил его”.

Из всех загадок дуэли не загадочно только поведение самого Михаила Лермонтова. Он никоим образом не собирался, стрелять не собиравшись, воспринимал всё как нелепое недоразумение. Мысли Мартынова понять значительно трудней. Прямодушным этот человек никогда не был. Он понимал, что Лермонтов – храбрый офицер – примет его вызов, но стрелять в него не будет. Мартышка наверняка переживал из-за шуток Мишеля, но еще больше завидовал ему. Мечтал ли он тогда же, во время дуэли, о геростратовой славе? Вполне допускаю. Увы, но он, может быть, предвидел, что когда-нибудь войдет в число “великих людей России” благодаря тому, что убил русского гения. Могли ли его использовать недоброжелатели поэта из придворных кругов? Вполне могли, так же, как натравливали на Лермонтова молодого офицера Лисаневича. Но, думаю, подставной фигурой Николай Соломонович Мартынов не был. И тут уже кто кого использовал? Можно стрелять гораздо увереннее в цель, если знать, что за участие в дуэли и даже за убийство сурового наказания не будет.

“Как в подобных случаях это бывало не раз, – пишет Висковатов, – искали какое-либо подставное лицо, которое, само того не подозревая, явилось бы исполнителем задуманной интриги. Так, узнав о выходках и полных юмора проделках Лермонтова над молодым Лисаневичем, одним из поклонников Надежды Петровны Верзилиной, ему через некоторых услужливых лиц было сказано, что терпеть насмешки Михаила Юрьевича не согласуется с честью офицера. Лисаневич указывал на то, что Лермонтов расположен к нему дружественно и в случаях, когда увлекался и заходил в шутках слишком далеко, сам первый извинялся перед ним и старался исправить свою неловкость. К Лисаневичу приставали, уговаривали вызвать Лермонтова на дуэль – прочить. “Что вы, – возражал Лисаневич, – чтобы у меня поднялась рука на такого человека”.

Спустя много лет Мартынов рассказывал Д. А. Столыпину, что он “отнесся к поединку серьезно, потому что не хотел впоследствии подвергаться насмешкам, которыми вообще осыпают людей, делающих дуэль предлогом к бесполезной трате пыжей и гомерическим попойкам”.

Конечно, есть и вариант случайной гибели. Кто-то из секундантов (Глебов? Васильчиков? Столыпин?) отсчитывает: “Раз, два, три...”. По всем правилам при счете “три”, если выстрелов не прозвучало, дуэлянтов надо развести. Но ведь мальчишки же, молодые шалуны. Тем более, неприлично как-то, дамы смеяться будут. И Столыпин (если он вообще был на дуэли?) кричит: “Стреляйте! Или я вас разведу!”. По сути, он становится участником убийства, явным провокатором. Лермонтов стреляет в воздух? Или вообще не стреляет, и тогда почему-то уже после дуэли из его пистолета Васильчиков делает выстрел в воздух. Мартынов стреляет в упор в безоружного противника.

Михаил Глебов пишет в тюрьму Мартынову: “... прочие ответы твои согласуются с нашими, исключая того, что Васильчиков поехал со мной; ты так и скажи. Лермонтов же поехал на моей лошади – так мы и пишем... Не видим ничего дурного с твоей стороны в деле Лермонтова... тем более что ты в третий раз в жизни своей стрелял из пистолетов; второй, когда у тебя пистолеты рвало в руках и это третий... Надеемся, что ты будешь говорить и писать, что мы тебя всеми средствами уговаривали... ты напиши, что ждал выстрела Лермонтова”. Как дружно все секунданты защищают Мартынова! Впрочем, это устраивает и следствие. В своем последнем стихотворении Михаил Лермонтов пишет:

*С тех пор как вечный судия
Мне дал всеведение пророка,
В очах людей читаю я
Страницы злости и порока.*

*Провозглашать я стал любви
И правды чистые ученья:
В меня все ближние мои
Бросали бешено камня...*

Эти камни сопровождали Михаила Лермонтова всю его жизнь. Сопровождают и поныне. Сын Н. С. Мартынова считал, что секунданты во многом повинны в дуэли и не желали примирения. Переписку между секундантами и Мартыновым во время следствия сын Мартынова считал “узлом всего дела”. Может, он и прав. Не оправдывая ни в чем убийцу Мартынова, прочитаем внимательно эту переписку, лишь подкидывающую загадок к дуэли. Ведь пишут-то Мартынову как бы ближайшие друзья Михаила Лермонтова. Как вспоминает А. И. Арнольди, после совершенного убийства его друзья сами кидали жребий, кому назваться секундантом на дуэли. Первым жребий выпал на М. П. Глебова. Затем добавили для убедительности князя А. И. Васильчикова. М. П. Глебов пишет Мартынову в тюрьму: “Посылаю тебе брульон 8-й статьи. Ты к нему можешь прибавить по своему уразумению; но это сущность нашего ответа. Прочие ответы твои совершенно согласуются с нашими, исключая того, что Васильчиков поехал верхом на своей лошади, а не в дрожках беговых со мной. Ты так и скажи. Лермантов же поехал на моей лошади: так и пишем... Я и Васильчиков не только по обязанности защищаем тебя везде и всем... судьба так хотела... что ты стрелял из пистолета... Непременно и непременно требуй военного суда. Гражданским тебя замучат. Полицмейстер на тебя зол, и ты будешь у него в лапках. Проси коменданта, чтобы он передал твое письмо Траскину... Столыпин судился военным судом... Глебов”. Мартынов отвечает: “Меня станут судить гражданским судом; мне советую просить военного... Узнай у Столыпина, как он сделал? Его, кажется, судили военным судом... А бестия стряпчий пытал меня, не проболтаюсь ли. Когда увижу тебя, расскажу в чем. Н. М.”. Военный суд советует ему по-дружески и А. А. Столыпин, рекомендуя ему не выходить из квартиры: “...Тебе выходить не советую. Дай утихнуть шуму. А. Столыпин”

Послушавшись совета, Н. С. Мартынов пишет А. Х. Бенкендорфу: “Сиятельный граф, милостивый государь. Бедственная история моя с Лермонтовым заставляет меня утруждать Вас всепокорнейшею просьбою. По этому делу я передан теперь гражданскому суду. Служивши постоянно до сих пор в военной службе, я свикся с ходом дел военных ведомств и властей и потому за счастье почел бы быть судимым военными законами. Не оставьте, Ваше Сиятельство, просьбу мою благословенным вниманием. Я льщу себя надеждою на милостивое ходатайство Ваше тем более, что сентенция военного суда может доставить мне в будущем возможность искупить проступок собственной кровью на службе Царя и отечества”. Поверил граф, внял, велел “не оставлять...”

Письмо это передал Мартынов из тюрьмы всё тем же друзьям-секундантам, да еще с разъяснением: “Чего я могу ожидать от гражданского суда? Путешествия в холодные страны? Вещь совсем не привлекательная. Южный климат гораздо полезнее для моего здоровья, а деятельная жизнь заставит меня забыть то, что во всяком месте было бы нестерпимо моему раздражительному характеру!..”

Нельзя всё сводить к независимому и дерзкому поведению Михаила Лермонтова. В великосветском обществе Лермонтов бывал “высокомерен”, “едок”, “заносчив”, презирая всё это общество. В компании сверстников и сослуживцев – “любезен, речь его интересна”. В обществе друзей верный и преданный товарищ. Да, он позволял себе шутить даже в присутствии великого князя Михаила Павловича. То маленькую сабельку принесет на смотр, то, наоборот, сверх меры длинную, тянущуюся за ним по полу. За что и сиживал на гауптвахтах частенько. Блистал остроумием, но успевал и гениальные стихи писать, и в военном деле показал себя умельцем. Всаживал на стрельбах пулю в пулю. Он всего лишь пожалел неудачника Мартынова,

и с какой радостью тот свел с ним сразу все счеты. И на самом деле, Грушницкий в жизни отомстил Печорину литературному. Узнавший себя в Грушницком Николай Мартынов отнес к себе слова Печорина: “Я решился предоставить все выгоды Грушницкому; я хотел испытать его; в душе его могла проснуться искра великодушная, и тогда все устроилось бы к лучшему; но самолюбие и слабость характера должны были торжествовать”... Грушницким и оставался до конца дней своих Николай Соломонович. Чем больше росла слава поэта, тем больше росла и глухая ненависть к нему у Мартынова. Раскаяться этот Грушницкий так и не смог. Дважды начинал свою исповедь: “Сегодня минуло ровно тридцать лет, когда я стрелялся с Лермонтовым. Трудно поверить! Тридцать лет – это почти целая жизнь человеческая, а мне памятли малейшие подробности этого дня, как будто происшествие случилось только вчера. Углубляясь в себя, переносясь мысленно за тридцать лет назад и помня, что я стою теперь на краю могилы, что жизнь моя окончена и остаток дней моих сочтен, я чувствую желание высказаться, потребность облегчить свою совесть откровенным признанием самых заветных помыслов и движений сердца по поводу этого несчастного события... Беспристрастно говоря, я полагаю, что он был добрый человек от природы, но свет его окончательно испортил. Быв с ним в весьма близких отношениях, я имел случай неоднократно замечать, что все хорошие движения сердца, всякий порыв нежного чувства он старался так же тщательно в себе заглушать и скрывать от других, как другие стараются скрывать свои гнусные пороки”. И каждый раз с исповеди Мартынов срывался на обличение “испорченного” поэта, не доходя до описания дуэли.

Это храбрые и дерзкие, вольные и независимые герои, каким был и сам Михаил Лермонтов, не стреляют в своих друзей. Если Лермонтов на самом деле был такой злобной личностью, какой его ныне часто изображают историки и литературоведы, то что же он имел в жизни всего две дуэли, и оба раза его вызывали на дуэль, что же он оба раза на дуэлях стрелял или мимо или в воздух? Почему он не убивал дуэлянтов? Считал себя выше их, не снисходил до мести, лишь весело отшучивался. Интересно, в жизни нынешние ненавистники Лермонтова с кем бы предпочли иметь дело в опасную минуту – с такими, как страдалец Мартынов, или же с такими, как Лермонтов? Может, гениальная проза Лермонтова и послужила настоящим поводом к дуэли?

С какой радостью все его приятели светские уже после гибели спешили рассказать, какой он был неуживчивый и недобрый малый. Он при жизни своей короткой уже добился всероссийской литературной славы. Все, кто хоть что-то читал, знали и ценили великий дар Лермонтова. Но он не был в высоких чинах, не был солидным и важным, как признать за таким молодым и лихим офицером его истинное значение? Не случайно в конце жизни А. Арнольди, один из представителей этого блестящего поколения, недоумевал: “Я не понимаю, что о Лермонтове так много говорят; в сущности он был препустой малый, плохой офицер и поэт неважный. В то время мы все писали такие стихи. Я жил с Лермонтовым в одной квартире, я видел не раз, как он писал. Сидит, сидит, изгрызет множество карандашей и напишет несколько строк. Ну разве это поэт?”

После дуэли все кинулись переживать за бедного Мартынова. О самом поэте его приятели как бы и забыли. Погиб поэт, ну и что? А страдалец Мартынов из-за наложенной на него епитимьи с трудом пробирается в столицу позировать известному художнику Т. Райту, нарисовавшему уже в 1843 году, через два года после дуэли, его портрет. Вряд ли сам художник Райт, работавший в столицах, ездил к Мартынову в Киев.

Загадочной остается и история отставки Мартынова. 23 февраля 1841 года царь подписал высочайший приказ об отставке Мартынова “по домашним обстоятельствам”. С чем это связано? С его репутацией карточного шулера? С масонской деятельностью? С недозволительными занятиями винными откупками на Кавказе? Сейчас все защитники Мартынова стали объяснять отставку его заботой о больных братьях и сестрах. Но ведь еще недавно этот заносчивый офицер мечтал о генеральском чине. И почему, если поверить его нынешним защитникам, после отставки он никуда с Кавказа не уехал? О братьях и сестрах сразу же забыл. Почему Николаю Мартынову, также как и Михаилу Лермонтову, император отказал в награде за битву при Валерике? Зачем он перевелся из кавалергардов в 1839 году в Гребенский казачий полк?

Рудольф Баландин в своем интересном исследовании судьбы поэта пишет: “Разве нельзя предположить, что именно в виноделии был главный интерес на Кавказе у Мартынова, который отправился туда волонтером, то есть добровольно? И присутствие рядом с ним князя Васильчикова, сына того вельможи Васильчикова, который так активно принимал участие в становлении дела винных откупов у будущего греческого магната Бенардаки, не говорит само за себя? И то, что Мартынов был не в себе к приезду на Кавказ Лермонтова летом 1841 года, объясняется, скорее всего, не его стыдом преждевременной отставки, а тем, что из-за войны виноделие у гребенских казаков падало, лишая сына винного откупщика надежды на богатство и генеральский чин, видимо, такой же, гражданский, который заработал себе двоюродный дед Лермонтова, винный откупщик Столыпин. И не потому ли тогда же Мартынов запросился обратно на военную службу, в чем ему было отказано императором? Легко представить себе злость и разочарование молодого человека, который в надежде на золотые горы потерял и деньги и карьеру!”

Конечно, это только версия. Но она имеет право на жизнь не менее, чем другие. Точных доказательств уже никто и никогда не соберет. Ясно, что при всей нелюбви к Лермонтову император Николай Первый дуэль не организовывал. Скорее, наоборот, хотел загнать поэта в кавказскую глушь и не выпускать ни в какие столицы. Есть распоряжение Николая I от 30 июня 1841 года — “дабы поручик Лермонтов непременно состоял налицо во фронте и чтобы начальство отнюдь не осмеливалось ни под каким предлогом удалять его от фронтовой службы в своем полку”. Император был даже против участия Лермонтова в добровольческих вылазках, потому и отказал в награде за самовольное участие поэта в бою у реки Валерик. Поэта могли ранить, последовала бы вынужденная отставка. Он уже как писатель появился бы в столице, основал журнал. Что потом с таким делать? Пусть уж сидит в полку своем.

Но уж, если поэт погиб на дуэли, то “туда ему и дорога”. Император Николай I этого невысокого вольнолюбивого офицера не любил. Было за что — после январских стихов 1837 года. Устал от выяснения отношений с Пушкиным. Раздражало царя и то, что жена его Александра Фёдоровна была без ума от лермонтовских стихов и прозы. И поэтому даже после гибели поэта не только Николай I, но и его сын Александр II не разрешали к печати подготовленные биографии Лермонтова, сочинения поэта издавались без сведений об авторе. Все читали его стихи, и никто не знал, кто он такой. Первая биографическая книга, подготовленная Висковатовым, вышла в 1891 году.

Но почему отмалчивались друзья? Что случилось с благородным Алексеем Столыпиным? Или прав был убийца Николай Мартынов, в конце жизни признавшийся: “Друзья таки раздули ссору...”

“В 1837 году, — читаем в воспоминаниях И. П. Забеллы, — благодаря ненавистному иностранцу Дантесу не стало у нас Пушкина, а через четыре года то же проделывает с Лермонтовым уже русский офицер; лишиться почти сразу двух гениальных поэтов было чересчур тяжело, и гнев общественный всею силою своей обрушился на Мартынова и перенес ненависть к Дантесу на него; никакие оправдания, ни время не могли ее смягчить. Она преемственно сообщалась от поколения к поколению и испортила жизнь этого несчастного человека, дожившего до преклонного возраста. В глазах большинства Мартынов был каким-то прокаженным”.

Интересно, что почти все лермонтоведы девятнадцатого века на стороне поэта, самые объективные и известные советские лермонтоведы, такие, как Б. Эйхенбаум, Э. Герштейн, В. Мануйлов, тоже защищают поэта, и лишь нынешние оправдывают Мартынова.

Один из первых лермонтоведов, опрашивавший всех очевидцев дуэли, П. К. Мартынов пересказал разговор, который вёл Лермонтов со своими секундантами: “Всю дорогу из Шотландки до места дуэли Лермонтов был в хорошем расположении духа. Никаких предсмертных распоряжений от него Глебов не слышал. Он ехал как будто на званный пир какой-нибудь. Всё, что он высказал за время переезда, это сожаление, что он не мог получить увольнения от службы в Петербурге и что ему в военной службе едва ли удастся осуществить задуманный труд. “Я выработал уже план, — говорил он Глебову, — двух романов”. О больших планах поэта на будущее писал и В. Г. Белинский осенью 1841 г. “Беспечный характер, пылкая молодость, жадная до впечатлений бытия, самый род жизни, — отвлекали его от мирных кабинетных заня-

тий, от уединённой думы, столь любезной музам; но уже кипучая натура его начала устраиваться, в душе пробуждалась жажда труда и деятельности, а орлиный взор спокойнее стал вглядываться в глубь жизни”.

Жизнь меняет все планы. И вот начался этот загадочный отсчет дуэли: “один”, “два”, “три”. Кто отсчитывает — неясно. Столыпин, Глебов... Но главное, никто и не стреляет. Пора заканчивать дуэль. И тут Столыпин или Трубецкой, а может, Глебов? — крикнул: “Стреляйте, или я развожу дуэль!”. На что Лермонтов (по утверждению сына Васильчикова спустя полвека?) ответил: “Я в этого дурака стрелять не буду!”

“Я вспылал, — писал уже Мартынов. — Ни секундантами, ни дуэлью не шутят: и опустил курок”.

Лилипут пристрелил Гулливера. Беда Лермонтова была в том, что он не относился серьезно к самой возможности дуэли, да еще с Мартышом. К тому же он был никак не заинтересован в любой дуэли. Это — новый суд, и уже никаких надежд на отставку и на свой журнал. Незадолго до дуэли он плотно пообедал, перед дуэлью рассказывал о своих планах на будущее. Я считаю, что он и выстрелил первым в воздух, а Мартынов уже стрелял в безоружного. Грушницкий убивал своего противника. В жизни мечтателям не место.

По мнению Э. Гернштейн, когда перед дуэлью началась буря, Столыпин, Трубецкой и, может быть, Дорохов на какие-то минуты не успели подъехать к месту дуэли до ее начала. Никто из них не думал, что дуэль начнут при грозе, не дождавшись их приезда. Мартынов настоял на своем, он желал уничтожить ненавистный ему символ таланта и вольномыслия.

Прислушаемся же к мнению свидетелей того времени:

“... Дуэли не было, а было убийство...” (Р. И. Дорохов);

“... Мартынов... трагически разыграл жизнь Лермонтова” (А. Ф. Тиран);

“... Мартынов фактически убил Лермонтова, и весь город уже говорил об этом...” (Ф. П. Конради);

“... Многие знали, что М. Ю. Лермонтов почти в упор был убит Н. С. Мартыновым” (П. К. Мартынов);

“... Увы, Лермонтова нет, к несчастью, это верно, хотя мы и желаем, чтобы это были неверные слухи — он убит — убит подлым образом” (А. П. Смольянинов);

“... Они собирались драться без секундантов” (А. С. Траскин — П. Х. Граббе);

“... Все говорят, что это убийство, а не дуэль...” (А. А. Елагин);

“... Для Ольшанского было ясно, что поединка... как такового не было...” (Из анализа материалов следствия);

М. Ю. Лермонтов пал от пули, “посланной ему в сердце твердой рукой Мартынова, который ненавидел его люто” (Ф. Ф. Боденштедт)

Андрей Дельвиг вспоминает: “Посланный в Киев на церковное покаяние... Мартынов участвовал на всех балах и вечерах и даже сделался знаменитостью. Каждый век российской истории рождает своих геростратов. Кто-то из них поджигает, кто-то из-за угла убивает, кто-то разваливает государства...” Через год после преступления полковник А. С. Траскин, руководивший расследованием в Пятигорске, быстро замявший дело, был произведен в генералы...

Родственники Мартынова и недруги Лермонтова, как только умер Васильчиков, задались целью реабилитировать память Мартынова, свалить всю вину на Лермонтова и очернить его. Сын убийцы напечатал “Историю дуэли М. Ю. Л. с Н. С. М.”. Но ничего нового при всем желании сообщить не могли. Николай Соломонович Мартынов вполне осознанно и безбоязненно убил великого русского поэта. “Умней, чем жидовин...”